

«...ЭТА ПОЛОСА МОЕЙ ЖИЗНИ БЫЛА САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА Ф. В. ГЛАДКОВА

Публикуемый материал характеризует страничку юных лет жизни крупного советского писателя Федора Gladkova. Все упомянутые источники — жандармские документы, статьи Gladkova в журнале «Кубанская школа» — найдены мною в разное время, в разных архивохранилищах. Я попытался систематизировать, так как думаю, что в дни 100-летия со дня рождения автора «Цемент» публикация новых, ранее не известных сведений о нем, о его участии в революционном движении (например, в еженедельнике «Неделя») может быть целесообразной. Не исключено, что о судьбе своего письма, речь о котором идет в предлагаемом сообщении, не знал и сам Ф. В. Gladkov.

Документы, связанные с именем Ф. Gladkova, мне особенно близки. Моя мать Анна Ивановна Куценко (Мелешенко), 1900 года рождения, комсомолка с 1920 года, член КПСС с 1925 года, родом из станицы Павловской, из многодетной бедняцкой семьи. Летом 1918 года она была санитаркой, участвовала в эвакуации раненых красногвардейцев из района Тихорецкой в Армавир. За это, а также за отца и старшего брата, ушедших с дивизией Д. П. Жлобы и погибших при героическом отступлении 11-й армии, ее били шомполами. После зверской расправы мать несколько месяцев не могла подняться на ноги. В это время ее прятала семья местного учителя — большевика Демида Евтихевича Козюты, позднее ставшего заведующим окружным отделом народного образования Кубанского округа. Семья Козюты дружила с работавшим тогда в Павловской Ф. Gladkovым. Некоторое время Gladkov проживал в доме этой семьи. С раннего детства я помню рассказы матери об этих замечательных людях, их героизме, стремлении помочь другим. И о Gladkove впервые я услышал задолго до того, как прочитал его книги.

Игорь КУЦЕНКО, доктор исторических наук

● Ф. В. Gladkov с группой учителей и своих учеников. Станица Павловская. 1916 г.

Gladkii в гор. Ейск для прискиания должности учителя, но, не успев в этом, 7-го минувшего августа выбыл в г. Читы Забайкальской области. Об изложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству».

Итак, «Федор» был опознан. Теперь ясно, что Gladkov переписывался с Мельниковым, собирався к нему, так как указал его адрес в письме К. Е. Морозову, которое написал за месяц до своего приезда в Ейск. И еще одна деталь: в жандармском донесении он назван псаломщиком. Очевидно, таковым он зарегистрировался по прибытии в Ейск в конспиративных целях, а возможно, в этом качестве некоторое время зарабатывал на хлеб насущный. В Забайкалье Gladkov был арестован. Одной из причин ареста, несомненно, послужило известное охранке письмо...

В 1927 году в статье «Как я стал писателем» Ф. В. Gladkov свидетельствовал: «Когда я впервые услышал о том, что крестьянам надо бороться за землю, рабочим бороться за социализм, — естественно, что я со всем пылом молодости пошел в революционное движение. Я чувствовал в себе кровь рабочего, который страдал. Мне нужно было во что бы то ни стало идти. И эта полоса моей жизни была самой прекрасной, светлой полосой. Когда приходилось убегать от полиции, я бесконечно радовался: «А все-таки я удрал от полиции». Когда я, убежав

чуть ли не на край света, наконец все-таки попался в руки полиции, я также радовался, что вот я — в тюрьме, что, наконец, я страдаю за народ, за рабочих. Это было просто романтическое, юношеское настроение. Это была романтическая полоса и нашего революционного движения».

Молодые порывы, если они основываются на действительно серьезных стремлениях, налагают отпечаток на всю жизнь. После тюрьмы Gladkov вернулся на Кубань, работает учителем в Новороссийске, а с 1914 года — в станице Павловской. За ним велось негласное наблюдение. Так, в 1911 году жандармы следили за его перепиской с сибирским социал-демократом Н. М. Доброхотовым. В нашем распоряжении имеются факты, подтверждающие, что Gladkov вел революционную деятельность, осуществлял свою идею использовать школу как «орудие проповеди».

В журнале «Кубанская школа» за 1916 год (№№ 2 и 3) опубликована большая статья Ф. Gladkova «Чем живут теперь наши дети». Эта статья — образец умелого использования для революционной пропаганды лояльного даризму журнала. Gladkov делился школьным опытом: «Для пристального наблюдения над внутренней жизнью ребенка наших дней я широко применил в своем училище сводные письменные работы — классные и домашние. Выбор тем в большой степени зависел от учеников. За неделю до письменной работы ученикам предлагалось найти несколько сюжетов, в которых они могли бы вложить все то, что их волнует в данный момент, в которых они могли бы выразить свои заветные стремления, мысли, чаяния, взгляды на жизнь». Конечно, главное направление этого социологического опроса программировалось преподавателям. Такие письменные работы велся Gladkovым с начала 1915 года, т. е. спустя полгода с начала первой мировой войны. В результате был собран «богатый материал для изучения души моих питомцев... по настоящим «человеческим документам», написанным часто кровью своего сердца».

Какие же общественные идеи, высказанные через ученические сочинения, Gladkov вынес на страницы популярного на Кубани журнала? Он писал о преступной политике царизма, свергнувшего Россию в кровавую пучину мировой войны, о невыносимых страданиях народа, о необходимости коренных перемен всего строя жизни. Gladkov цитировал слова ребят: «Женщины и дети ходят побираться. Все дорого. Убили Березу Антона, а его жена ходит с детьми и плачет», — писал один маленький автор.

«И, точно сговорившись с предыдущим, — продолжал Ф. Gladkov, — следующий мальчик патетически и негодуя восклицает: «Я бы первым делом прекратил все войны, помирил бы всех враждующих, после... дал бы давно желанное простым людям управление». Это уже не только усталость от красных ужасов, это уже — отвращение к войне, к кровавой бойне, к военному рыцарству, к милитаризму...» Война является «нелепой, ненужной, ужасной, злопреднамеренной». Будущий советский писатель подчеркивал: детям претят военные события, «острота и оглушительность которых изнурила их своей длительностью, измучила своим неизбывным ужасом». Вместе с тем в детских душах «копится великая творческая сила, которая стремится воплотиться в формах мирного, культурного труда для создания жизни свободной, разумной и красивой».

Смелые заявления, сделанные Ф. В. Gladkovым в разгар мировой войны, полностью соответствовали политическому курсу большевистской партии, которая вела героическую борьбу за подготовку великой революции.

● Ф. В. Gladkov и Л. М. Мельников. 1906 г. Ейск.

Снимок сделан во время приезда Ф. Gladkova в Ейск летом 1906 г.

Более десяти лет назад в фонде жандармского управления бывшей Кубанской области, который хранится в государственном архиве Краснодарского края, мне попался заинтересовавший меня документ. Это была выписка из письма неизвестного, датированного 22 мая 1906 года и адресованного в Москву К. Н. Морозову, проживавшему в Долгоруковском переулке в номерах «Украины». Морозов был под надзором, и его корреспонденция проверялась.

В выписке говорилось: «Про себя могу сказать, что я в высшей степени люблю идеи с.-д. и, кажется, думаю на себя наложить ярмо этой партии. Теперь я добился того, что могу свободно жить в городе, а это дает мне возможность быть среди того сословия людей, которое нуждается в проповеди, что необходимо для борьбы. В городских училищах учатся преимущественно дети рабочих и крестьян, поэтому работа среди них и их родных мне обеспечена. Как орудие проповеди, школа в моих глазах является очень сильным рычагом. Учителю три года, а я теперь понял, как много можно сделать, будучи учителем, как в самой школе, так и вне ее. Поэтому учительство является для меня единственной широкой ареной для работы».

Письмо имело обратный адрес: г. Ейск Кубанской области, секретарю городской управы Л. М. Мельникову для Федора. Столичное начальство направило выписку из арестованного письма в Екатеринодар с предписанием найти человека, высказавшего столь «крамольные» мысли.

Кубанская охранка сообщила: Мельников — «человек неблагонадежный в политическом отношении».

Вчитываясь в материалы жандармского «дела», я вспомнил, что Лукьян Мартынович Мельников, известный в начале века на Кубани публицист, был человеком прогрессивных взглядов, смело обличал политику самодержавия.

В 1907 году Мельников числился издателем газеты «Ейский вестник».

Вот он-то и стал первым заботливым наставником будущего советского писателя Ф. В. Gladkova. Мельников в газете «Кубанские областные ведомости» в июне 1900 года опубликовал первый юношеский рассказ Ф. Gladkova с знаменательным названием «К свету». Между талантливым юношей и местным редактором завязалась дружба. В 1901 и 1902 годах Мельников поместил в своей газете рассказы Ф. Gladkova «После работы», «Максютка», «Черкесенок», «Похороны», «У ворот тюрьмы».

Известно, что после учебы и работы в Екатеринодаре Gladkov вынужден был три года жить в Забайкалье, полной мерой познать нелегкий труд народного учителя. 1905 год застал его в Тифлисе. А вскоре он приезжает в Ейск, где активно включился в революционную деятельность социал-демократической группы И. Санжура. «Все листовки (этой группы. — И. К.) тех дней писались мной», — вспоминал Ф. В. Gladkov.

При сопоставлении фактов приходила мысль, что таинственным «Федором» мог быть Ф. В. Gladkov.

12 сентября 1906 года начальник особого отдела по полицейской части канцелярии наместника на Кавказе смог сообщить: «Произведенным... розыском ныне выяснено, что автор письма, по-видимому, есть псаломщик Федор Васильев Gladkii. Gladkii прибыл в Ейск в последних числах июля и поселился... на квартиру секретаря ейской городской управы Луки Мельникова, аттестуемого начальником кубанского областного жандармского управления личностью неблагонадежной в политическом отношении. Прибыл